

Железнодорожный состав с грохотом мчался по равнине. Черный корпус паровоза сливался с ночной мглой, и лишь ритмичный стук колес о рельсы выдавал присутствие поезда.

Это был не обычный пассажирский состав, а личный транспорт магната Клейна Мастера. Сегодня ночью он перевозил особый груз в промышленный город на севере.

Окна были плотно задернуты тяжелыми шторами, и лишь редкие полосы света, пробивавшиеся сквозь щели, свидетельствовали о том, что внутри еще кипит жизнь. В коридорах, скрытых от посторонних глаз, стояли вооруженные охранники в черных костюмах, бдительно охранявшие деревянные ящики.

Щелк.

В туалете последнего вагона тихо повернулся замок.

В зеркале отразилась высокая женщина с утонченными чертами лица, поправляющая перед выходом свое платье горничной. Черно-белый подол прикрывал колени, безупречно отглаженный фартук с кружевами лежал ровно, а черные сапожки, облегающие стройные ноги, блестели так, словно их только что натерли до зеркального блеска.

Прядь белых волос упала на грудь, подчеркивая соблазнительные формы. Девушка небрежным жестом убрала локон за ухо, и в полумраке блеснули её алые глаза.

Внешне она выглядела как идеальная горничная с безупречными манерами — та самая, о которой мечтают аристократы и чье присутствие в доме легко могло пошатнуть положение любой знатной дамы. Однако её истинная цель здесь заключалась вовсе не в уборке или уходе за хозяином.

Это было уже... Ева сбилась со счета, какая по счету это была миссия. Она знала лишь одно: её нынешнюю цель зовут Клейн Мастер.

Официально он считался успешным магнатом, известным филантропом и глубоко верующим прихожанином Центральной церкви. Но всё это было лишь дымовой завесой. На деле он был организатором двух десятков дел о пропаже девушек, настоящим дьяволом, торгующим живым товаром.

При мысли об этом Ева подавила холодный блеск в глазах, нацепила на лицо легкую улыбку и толкнула дверь туалета.

В коридоре её уже ждала тележка с едой, которую она полчаса назад позаимствовала на кухне. Шеф-повар не возражал — он был крепко связан, с кляпом во рту и тихо мычал, лежа на полу.

На тележке, контрастируя с уютом, стояла откупоренная бутылка дорогого вина и остывший

стейк на фарфоровой тарелке. Ева поправила позу, взялась за ручки и двинулась по коридору.

Когда она проходила через первый вагон, охранники в костюмах лишь мельком взглянули на неё, не придав значения. В таких долгих поездках наниматели часто брали с собой горничных, чтобы не только поддерживать порядок, но и утолять иные потребности.

Ева слегка склонила голову, выказывая подобающее смирение, и продолжила путь. Коридор был узким из-за наставленных ящиков, так что тележка едва проходила.

Проходя через второй вагон, Ева слышала, как двое охранников у окна, куря и переговариваясь вполголоса, обсуждали сегодняшний груз.

— Говорят, товар в этот раз неплох...

— Да какая разница? Нам платят — мы делаем, а потом махнем в клуб, снимем пару моделей.

— Тсс, кто-то идет.

Они тут же замолчали и настороженно уставились на проходящую мимо девушку. Ева сохраняла невинную улыбку, словно ничего не слышала, и медленно проследовала мимо. Едва она скрылась из виду, до неё донеслись их сальные комментарии, полные пошлости.

Наконец, она добралась до третьего вагона. Путь преградили двое особенно крепких охранников.

— Стоять. Что там? — спросил один из них, с хриплым голосом и подозрительно острой головой, явно свидетельствующей о суровых тренировках.

— Ужин и вино для господина, — Ева не растерялась, ответив с невозмутимым спокойствием.

— Шеф-повар сказал, что господину Клейну сегодня может понадобится что-то, чтобы лучше спалось.

Охранники переглянулись. Один из них принялся проверять тележку: приподнял крышку, осмотрел стейк и даже понюхал пробку от вина. Второй в это время с ног до головы оглядывал беловолосую красавицу.

— Давай-ка обыщем, — бросил он.

Ева послушно подняла руки. Охранник быстро прошелся ладонями по её плечам, подмышкам и талии. Его рука задержалась на подоле, он явно колебался, стоит ли проверять более интимные зоны — те самые, что скрывали тайну её стройных ног. Уж больно стандартным и вызывающим казался этот наряд.

В конце концов, встретив мягкий взгляд Евы, он убрал руку и выпрямился:

— Чисто.

Сейчас было рабочее время, и он не мог позволить себе отвлечься на красоту. Вторым охранником, закончив осмотр, кивнул и приоткрыл дверь вагона, пропуская Еву внутрь.

— Благодарю.

Её ровный, бархатный голос подействовал на охранников как магическое заклинание, вызвав мурашки по коже. И не только мурашки... Они поспешно захлопнули дверь и сухо кашлянули, делая вид, что ничего не произошло.

— Эй, приятель, слышал? Она сказала мне спасибо.

— Заткнись! Не мечтай, это она мне сказала.

Ева вошла в роскошно обставленный вагон. Внутри царила совсем иная атмосфера: бархатные шторы глубокого красного цвета, мебель из темного дерева, латунные украшения, мягко поблескивающие в свете ламп. Воздух был пропитан ароматом сигар и дорогих духов.

Ева лишь на мгновение обвела взглядом убранство, сфокусировавшись на фигуре в кресле.

Клейн Мастер сидел у окна в шелковом халате, держа в руках толстую книгу. Это была новая редакция Библии, а на столе рядом лежал крест из неизвестного материала. Услышав шаги, он повернул голову и нахмурился, явно недовольный тем, что его прервали во время молитвы.

— Кто позволил тебе войти?

Ева не спешила с ответом. Она подкатила тележку, остановилась в трех шагах от него и, сложив руки на фартуке, слегка поклонилась:

— Доброго вечера, господин Клейн.

Клейн отложил книгу, но хмуриться не перестал:

— Кто ты такая? Не помню, чтобы нанимал прислугу в поездку.

Он бросил взгляд на тележку. Хотя угощение соответствовало его вкусу, сейчас его занимали дела поважнее.

— Отвечай на вопрос!

Столкнувшись с резким окриком, Ева выпрямилась, сохраняя на лице кроткую улыбку.

— Не стоит так волноваться, господин Клейн. Очевидно же, что я принесла вам ночной перекус, не так ли?

— Ночной перекус? — повторил он.

Успокаивающий голос и прекрасное лицо горничной начали действовать — его бдительность постепенно улетучивалась. Однако Ева не собиралась тратить время попусту. У неё были другие дела, и она очень надеялась, что господин Мастер поймет её по-хорошему.

Она положила руку на ручку тележки, бросив взгляд на Библию и крест. Когда Клейн решил, что она собирается подать ужин, Ева вдруг схватилась за рукоять кухонного ножа.

В одно мгновение она выхватила его. Лезвие холодно блеснуло в свете лампы, острое настолько, что могло разрезать воздух и любую плоть.

Клейн вскочил, скрежетнув креслом по полу. К счастью, звукоизоляция в вагоне была отличной, и снаружи никто ничего не услышал.

— Это значит... что я пришла проводить вас на встречу с Богом, о котором вы так часто молитесь, — спокойно произнесла Ева, словно обсуждала погоду.

Зрачки Клейна сузились, он задрожал, но попытался взять себя в руки. Он был человеком, привыкшим к большим делам.

— Кто тебя прислал? Слушай, кто бы это ни был, я дам в три... нет, в пять раз больше! — выпалил он, не сводя глаз с ножа.

Ева наклонила голову, и прядь белых волос выбилась из-под чепчика.

— Простите, господин Клейн. Единственное, что вы можете сделать, это поднять голову в аду... Ой, нет.

Она поправила себя с предельной серьезностью:

— В аду вы должны поприветствовать тех двадцати девушек, которые зывают к справедливости с небес.

Лицо Клейна побелело, голос дрогнул:

— Те... девушки...?

— Да, те самые, — Ева сделала шаг вперед, виртуозно вращая нож в руке. — Элис, четырнадцать лет, в последний раз её видели по пути из школы. Мэри, пятнадцать лет, уехала в город искать работу и пропала. Лилиан...

— Хватит... довольно! — Клейн судорожно сглотнул, отступая назад. Он задел стол, и крест с металлическим звоном упал на пол. — Я могу объяснить... это был... бизнес! Просто бизнес!

— Ах, понимаю, — улыбнулась Ева, делая еще шаг. — Как бизнес на скотобойне. Только сегодня ваша очередь стать товаром, господин Клейн.

Клейн, видя, что она не собирается отступать, набрал полную грудь воздуха, собираясь закричать...

Пшшш!

Но он так и не успел издать ни звука. Ева двигалась быстрее, чем человек: в одно мгновение она преодолела расстояние между ними, и её рука в белой перчатке, сжимающая нож, описала серебряную дугу.

Точный удар в левую часть груди — лезвие легко пронзило сердце.

Глаза Клейна расширились, рот застыл в беззвучном крике. Он механически опустил взгляд на рукоять ножа, торчащую из груди, а затем посмотрел на беловолосую красавицу. В его угасающем сознании её алые глаза казались ключом от врат ада.

Ева отпустила нож и сделала шаг назад. Она равнодушно наблюдала, как он оседает на пол, сбивая тележку. Фарфор с грохотом разлетелся вдребезги, перекрывая звук падения.

Ева обернулась на крики за дверью:

— Господин? Господин Клейн? Вы в порядке?!

Дверь распахнулась. Вбежавшие охранники застыли, увидев труп и стоявшую рядом горничную.

— Убийца! — воскликнул тот самый охранник, что обыскивал её.

Шух! Пшшш!

Второй нож вонзился ему в горло, прервав крик. Он пошатнулся, пытаясь зажать рану, но кровь хлынула сквозь пальцы.

Второй охранник потянулся к карману пиджака за оружием, но Ева оказалась быстрее. Два серебряных блика рассекали воздух: один нож вонзился ему в сердце, другой — глубоко в лоб.

Он отлетел назад по инерции. Всё произошло меньше чем за две секунды.

Кровь начала растекаться по ковру, окрашивая его в темно-багровый цвет. Ева услышала новые шаги — как минимум пять-шесть человек бежали сюда.

Не раздумывая, она бросилась к окну. Стекло было толстым, пуленепробиваемым, но для неё это была лишь небольшая преграда.

Она подняла правую ногу и с размаху ударила в центр стекла. Оно не пошло трещинами, а мгновенно разлетелось вдребезги. В вагон ворвался холодный ночной ветер с запахом травы и земли. Ева бросила взгляд на приближающихся охранников и, не колеблясь, прыгнула в пустоту.

— Доброй ночи, господа.

Ночной ветер свистел в ушах, трепал серебристые волосы и кружевные ленты на её чепчике.

Поезд продолжал движение. Прыгать на такой скорости для обычного человека было равносильно самоубийству, но Ева лишь ловко сгруппировалась в воздухе.

Она приземлилась на щебень у путей, мягко, почти невесомо, словно стрекоза, коснувшаяся воды. Сапоги прочно встали на камни.

Выход выполнен, состояние отличное.

В тот же миг:

Пан! Пан! Пан!

Стрельба разорвала ночную тишину. Пули высекли искры из камней там, где она только что стояла. Из окна вагона виднелись разъяренные лица охранников, палящих в темноту.

Но было слишком поздно. Ева даже не обернулась, растворившись в ночи, словно тень.

Пройдя немного по заросшей тропинке в лесу, она остановилась и отряхнула платье.

— Тц... все-таки испачкалась, — вздохнула она, подумав, что совсем потеряла хватку.

Впрочем, это было неважно. Она поправила одежду и зашагала дальше, словно ничего не случилось.

<http://bllate.org/book/21351/2169702>